

Актер Станислав Садальский, пожалуй, не нуждается в особом представлении. Он — заслуженный артист РФ, выпускник ГИТИСа, снявшийся в фильмах "Место встречи изменить нельзя", "О бедном гусаре замолвите слово", "Три дня в Москве", "Мальчишки", "Палач" и многих других. В 1973-82 гг. Садальский работал в театре "Современник", затем — в театре "На Юго-Западе".

Станислав Садальский известен не только как актер, но и долгое время занимался журналистикой. Своими высказываниями в адрес сегодняшнего российского истеблишмента, сытых чиновников и обслуживающих их подобострастных "звезд" кино и шоу-бизнеса, экстравагантными выходками Садальский снискал славу скандалиста. Он — подлинный "возмутитель спокойствия" на фоне услужливых благостных физиономий и обывательской серости. Многие считают известного артиста фигурой излишне одиозной и "неудобной". Возможно, по причине специфичи сыгранных актером характерных ролей и его эпатажного поведения сложилось расхожее представление о Садальском просто как о придирающемся шути. Между тем, за его шутством, безудовольствием, скрывается нечто большее, нежели незамысловатое кривляние и примитивная эпатажность. Садальский — шут в изначальном смысле этого слова, ибо может высказать власть имущим то, о чем не осмелились бы говорить многие другие актеры. Он не боится идти на конфликт, испортить свою репутацию в глазах чинной и добропорядочной публики, он терпеть не может ханжеских разговоров наподобие: "Все у нас в стране замечательно, все распрекрасные, я всех до безумия люблю и со всеми дружу". Конечно, та форма, в которой актер выражает свой протест, и у неконформистски настроенных людей может вызвать неоднозначные оценки, показаться спорной и не вполне приемлемой. Точно так же и не со всеми утверждениями Станислава Садальского согласны журналисты газеты "Завтра", однако необычайно интересная позиция человека, который, не принадежда непосредственно к оппозиционному, "красно-коричневому" лагерю, во многом разделяет господствующие в нем настроения и идеи.

О ПОДМОСТКАХ БЕЗ КУПЮР

КОРРЕСПОНДЕНТ. В своей жизни вас привлекали многие занятия — актерское искусство, публицистика, бизнес. Что при этом для вас является определяющим, наиболее значимым? Как вы прежде всего идентифицируете себя? Существует ли связь между данными видами деятельности?

Станислав САДАЛЬСКИЙ. Я отвечаю, перефразируя Маяковского, который очень здорово сказал про профессию: "Если тебе королева имя, выйма крепки делами своими". Если ты артист, ты должен играть и не заниматься ничем другим. Я только актерство, сейчас у меня два спектакля, один из них — по пьесе Василия Сигарева, молодого двадцатипятилетнего парня из Екатеринбурга, который получил престижную премию "Лоуренс Оливье" в Англии за "Пластинин". Пьеса называется "Отдайте гипнотизера", в оригинале — "Детектор лжи". Она повествует о двух одиноких людях, лучше у которых осталось в советское время, и они сейчас оказались потерянными. Четвертого марта мы с Галей Петровой будем играть в театре им. Маяковского премьеру.

Я также сейчас снимаюсь в кино по книге Дарьи Донцовой у Толи Матешко. Дарья Донцова — народная писательница, она честно говорит: "Я — для тех, которые на рынках торгуют". Она дает любой женщине почувствовать себя королевой, позволяет каждому человеку ощутить себя личностью. Я не могу осуждать такую литературу, как и не могу осуждать индийское кино — есть законы жанра, которые работают, и это имеет право на существование. Мне очень симпатично работать с Донцовой, мы уже сняли двенадцать серий, работали в Париже, в Египте. Это же не бездарность вроде ОСП-студии, бабочка, которая живет один день, этаким милым приятным пухляком. Ведь фильмы "Семнадцать мгновений весны", "Место встречи изменить нельзя" тоже в свое время были, как бабочки, а эти бабочки уже живут десятилетия, они превратились в мамонтов.

КОРР. Что представляет из себя сегодняшняя актерская среда, богемная тусовка? Как вы можете ее охарактеризовать?

С. С. Вы знаете, для меня это сопряжено с ощущением комизма. Когда я занимался журналистикой, я никогда не трогал артистов, потому что для меня они были "хрустальной вазой". Это был для меня запрещенный прием, и я трогал всегда каких-то чиновников, а артистов — никогда. Сейчас же мне весьма комично смотреть, когда, расталкивая руками и локтями, многие прорываются к власти имущим, с придыханием говорят: "Я — такой-то или такая-то!" Все они — очень комичные персонажи. Например, Надя Бабкина изображает из себя популярную артистку. Я к ней неплохо отношусь, но когда мы с Ларисой Удовиченко были со спектаклем в Америке, на Бабкину не было продано ни одного билета. Те люди, которые мелькают на экране, абсолютно непопулярны. Казалось бы, Петросян и Степаненко. Петросян говорит зрителям: "Я получаю от вас мешки писем: почему не видим Степаненко?" — появляется Степаненко. На другом канале уже Степаненко рассказывает то же самое — дескать, народ требует Петросяна, и так они вдвоем рекламируют друг друга. Дидро в свое время писал про парадокс о популярности. Чем больше этих артистов показывают нам по телевидению, тем меньше они популярны. В провинции на них билеты не могут продать, между тем как театры там забыты. Лева Новоженков очень точно сказал обо всех этих шоуменах: "Если жопу показывать каждый день по телевизору, она будет популярна, но она так жопой и останется."

Я специально узнавал, как делаются рейтинги радио. Это свой бизнес. Если платит "Европа плюс" — первое место занимает "Европа плюс". Платит "Русское радио" — лидирует оно. Вторые-третьи места тасуют, делают. Моей передаче "Шоу одинокого шута" равных не было, но по рейтингу она занимала четырнадцатое место из пятнадцати радиостанций. На телевидении — тот же самый бизнес. Существуют якобы две тысячи телевизоров, и никто не знает, где они. Да определить, где стоят кнопки двух тысяч телевизоров, — раз плюнуть!

КОРР. Как вы воспринимаете засилье многочисленных импортных шоу и телеигр на нашем телевидении?

С. С. Это — от бессилья. Все это абсолютно не интересно. Нет личностей, а где появляется личность, имеющая свое собственное мнение, все, как учил Станиславский, происходит сегодня, здесь и сейчас. Народ все эти передачи не смотрит, и они как появляются, так и умирают. Необходимо также, чтобы были элементы политики — когда они вводятся, сразу передача становится социально значимой. Телеигры же — просто способ набивания денег в карманы для тех, кто устраивает эти шоу.

КОРР. Как бы вы оценили состояние театра и кино в современной России?

С. С. Состояние печальное. Если говорить обо мне и моем поколении актеров, то мы получили самое лучшее образование: мы — ученики учеников самого Станиславского! Система Станиславского — лучшая во всем мире; и Мэрилин Монро, и Грегори Пэк по ней учились. Почему сейчас состояние печальное? Я вот разговаривал с молодыми людьми, которые учатся у Аллы Покровской во МХАТе и у Кости Райкина. Они с утра до вечера работают на Костю Райкина в "Сатириконе" — любимом театре Путина — и тут же бегут во МХАТ. Работают и там, и там. Они ничего не знают, образование у них чудовищное, мне кажется, система театрального образования у нас стала очень разрушительной.

Что касается кино, то мне приятно работать у Толи Матешко, он — старый закалки, поэтому он все знает, он чувствует кадр, он все видит. Но кино обслуживает власть имущих. Тот же самый замечательный артист и режиссер Паша Лунгин блистательно начинал, получил грант от Парижа как надежда кино — и тут же стал снимать фильм "Олигарх". Мне он очень симпатичен, но продавать фильм, ложиться под олигархов — это позорно для художника.

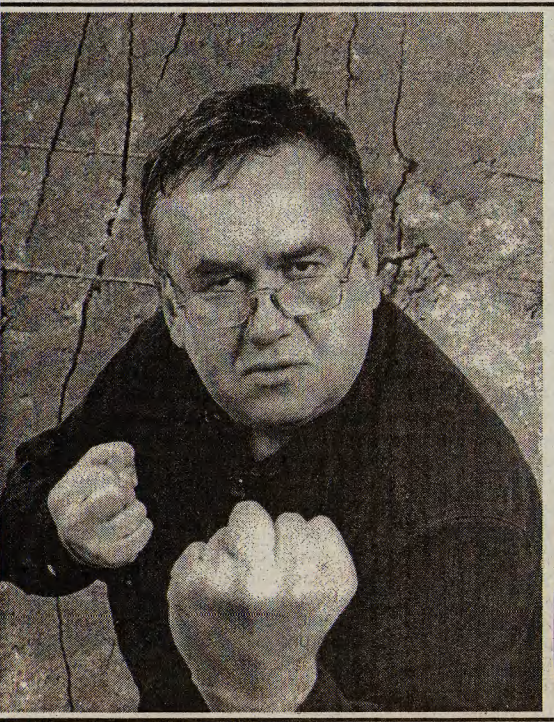
Я ни в коем случае не хочу сейчас ругать Березовского. Вообще я Березовского ненавижу. Я вложил сумасшедшие деньги в "АВВУ", он и Волошин у меня их украли, а я был миллионером, одним из самых богатых артистов, у меня сто тысяч рублей было! Но сейчас я не имею права ругать Березовского, потому что его ругают все те, кто раньше восхвалял. Так что теперь я должен помолчать, так как Березовский находится в опале. Настоящий художник, даже если ему нравится власть, должен помолчать об этом.

КОРР. Существует определенная категория людей, в том числе актеров и режиссеров, которые всю жизнь находятся у "кормушки" и обслуживают власть. Не изменилось ли качество их творчества за последние десять-пятнадцать лет?

С. С. Вы знаете, они весьма последовательны. Я никогда не осуждаю и никого не ругаю — каждая пластинка стирается по-своему. Вот, например, Галина Борисовна

Волчек была очень удобна: еврейка, беспартийная женщина. Кто говорит, что евреев зажимают? Волчек вступила в партию Черномырдина, она сейчас при власти. Есть люди, которые служили власти, трубили в ее славу, тот же вольдереобразный Олег Табаков, который всегда был в коммунистической партии — все, которые были у корыта, и остались у корыта. Деятельность Табакова я могу охарактеризовать следующим образом: "И нашим, и вашим — давайте вместе сплешем". Я таких, как он, не осуждаю, но мне неприятно, когда он трогает действительно достойных людей, сидя в наградной комиссии и проталкивая всуду свою супругу — первую народную артистку Марину Зудину. Марина — милая девушка, но в театре она — примадонна, она творит все, что хочет, как Салтычиха ведет себя. Но их не надо осуждать, потому что какова страна — такие и герои.

Качество их творчества, безусловно, ухудшилось, а иначе и быть не может: вранье затягивает. Посмотрите на их лица: лицо — записная книжка человека, по нему все видно. Есть очень много талантливых людей и на эстраде, и в сфере классической музыки. Мне так печально: вот Аля Пахмутова привлекла к творчеству столько молодых неизвестных артистов — сколько помоев на нее было вылит! Пахмутова, Анастасия Вертинская для меня являются оплицетворением совести, это люди, которые никогда не ввали.

КОРР. Так существуют ли сегодня перспективы для молодых и талантливых артистов? Каким образом, по вашему мнению, актер может состояться в своей профессии в современной России?

С. С. Есть перспективы. Нужно быть увлеченным своей профессией, но о чем больше не думать. У Станиславского как-то спросили: "Что нужно, чтобы стать знаменитым актером, состояться?" Он сказал: "Удача, удача и еще раз удача" — но, конечно, при наличии таланта, который Станиславский воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Все возможно, жизнь вообще держится на трех китах: вере, надежде и любви.

КОРР. Как вы считаете, почему зачастую актеры, играющие исключительно интеллектуальных и положительных героев, в жизни оказываются людьми весьма недалекими? Нужны ли актеру интеллект, остроумие, оригинальность?

С. С. Нет, не нужны, как мне кажется. В Библии написано: "Знание умножает скорбь". Артисты в принципе произносят чужой текст, написанный автором. Хотя, может быть, я и ошибаюсь — я же никогда не говорю, как истина в последней инстанции. Вообще профессия актера — зависимая: не мы выбираем, а нас выбирают. Так получилось, что те режиссеры, которых я люблю, не любят меня. Например, Владимир Мотыль прислал мою книгу "Дебил-шоу" обратно и сказал: "Большой гадости я не читал. Это отвратительно, я с тобой прерываю всякие отношения." Но я ни про одного режиссера из всех тех, у которых я снимался, не могу сказать плохо, я им всем благодарен.

КОРР. Вы известны прежде всего как характерный актер. Появляло ли данное амплу на формирование вашего образа в глазах публики? Не было ли оно для вас своего рода помехой?

С. С. Однажды мой учитель Григорий Григорьевич Конский спросил, есть ли у меня мечта? Я ответил, что мечтаю сыграть Гамлета, и он сказал мне: "Никогда в своей жизни ты не сыграл Гамлета". Я не согласился: "Не волнуйтесь, Григорий Григорьевич, сыграю — не в первом составе, так во втором, не во втором, так в двадцать втором". На что услышал: "Двадцать вторых составов не бывает". Его слова сбылись. Но мне мое амплу абсолютно не мешало. Луи де Фюнес замечательно сказал: "Очень много в мире актеров, которые заставляют нас плакать, и очень мало в мире актеров, которые заставляют нас смеяться." Я обожаю играть идиотов. Мне так нравится, когда надо мной смеются! Кстати, благодаря этому я очень много сведений получаю. Простой журналист не может этого узнать в силу своих собственных ролей. Может быть, из-за моего дебильного лица мне многое рассказывали, считая, что дураку все можно рассказать. А получалось, как в сказке про Иванушку-дурачка. Ни один герой не подпишет бумагу, которую я могу подписать. Ни один герой не пролезет, куда я пролезу.

В театре же, как мне кажется, самый лучший жанр — это трагикомедия, гротеск комический или трагический, и то, что я пытаюсь делать на своих двух работах, у меня получается. Я имею наглость утверждать, что я — человек талантливый, потому что десять минут люди стоят и аплодируют.

ТОРТОМ В МЕРЗЯЕВА

КОРР. Образ, который вы создаете не только в искусстве, но и в жизни, — тоже гротескный, экстравагантный, эпатажный. Интерес в данном случае представляет не только эта несколько нарочитая скандальность, но и определенный неконформистский запал, протест, который за ней скрывается. Что в сегодняшней действительности вызывает у вас неприятие? С другой стороны, какой характер должен

иметь протест, чтобы он был адекватным?

С. С. Персона, которая у меня вызывает просто отвращение (я не берусь говорить о Клебанове, который продаст нашу оборону), — это министр культуры Швейдкой, человек, с которым я вместе учился, — он уже тогда в аспирантуре был. Представьте, звонят мне люди из приемной Швейдкого и приглашают на передачу. Я говорю: "Вы знаете, я закончил актерский факультет. За съемки мне должны заплатить деньги". Та дама мне отвечает: "Да нет, вы не поняли. Министр культуры вас просит". Я повторяю свое требование несколько раз на "бис" — она не слышит мои слова и швыряет трубку. Я знаю, что Михаил Ефимович получает двадцать пять тысяч долларов — это за бездарнейшую передачу, самолюбование имени себя. То, что он нанес вред нашей культуре, — несомненно. В моей книге "Дебил-шоу", например, написано о том, как он передал фрески из Эрмитажа преданному анафеме иезуитскому митрополиту Филарету. Швейдкой — человек, который для культуры палец об палец не ударил, который сделал себе карьеру на порнографии, показав голого прокурора.

Я не люблю Путина, с каждым днем он вызывает у меня все большее и большее отвращение. Путин сейчас кричит, что чиновники врут, что чиновники обманывают. Господин Крылов заметил: "Чем комушек считать, не лучше ли кума?". Путин врет, как Геббельс. Не ему говорить о вранье. Когда Путин пришел, он, как мне казалось, был достаточно милый, краснел, стеснялся. Деньги, конечно, развратчик. Он же кричал, что никогда не подпустит к себе олигарха. Путин поет одни песни с Волошиным, который является мультимиллиардером, который владеет домом на Остоженке — тем, где находится школа оперного искусства. Квартиры там стоят по полтора миллиона долларов каждая. Кстати, Салтыков-Щедрин гениальную вещь сказал: "В последнее время много говорят о России. Не иначе, как проворовались".

Необычайно комична для меня и пропутинская организация "Идущие вместе", созданная Сурковым. Я очень много знаю про Суркова, и у меня эта информация хранится до поры до времени — о том, как он сам себя сделал, про его жену Юлию Вишневу. Она — безумно талантливая женщина, которую он держит в "золотой клетке" и нигде не выпускает.

Но в то же время я люблю фантастическую Люсю Нарусову, обожаящую Путина. Я очень благодарен и Собчаку, потому что благодарю ему я буду похорошен на Волковом кладбище. Я знаю о вашем отношении к этим

Завтра. 2003. Март (№ 11). С. 6 МАРТОВСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ СТАСА САДАЛЬСКОГО

персонажам, но, тем не менее, мне хотелось бы, чтобы моя точка зрения прозвучала. Люся Нарусова — моя подруга, и я понимаю, почему она своей независимостью вызывает ненависть. Сколько она сделала для Немецкого фонда — при том, что Починков все разворовал! Все было разворовано, и она хотела, чтобы эти фантастические деньги только в Сбербанке были, потому что их тогда можно было получить в любой деревне. "МДМ" — банк, который принадлежит Кремлю. У меня большая служба информации, я сообщил Люсе, что будет конкурс. У нее был пропуск в Кремль, она пришла и положила бумагу "МДМ — банк" на стол. Люся написала, что, конечно, победит "МДМ — банк", и этого, естественно, ей не простили. Ее сразу же убрали, обвинили во всех смертных грехах. У Люси Нарусовой ничего нет, кроме работы. Она впервые за всю историю Тувы как губернатор пробила железную дорогу, дала деньги на туберкулезную больницу. Наверняка теперь все деньги украдут и скажут, что украла Нарусова.

Пользуясь оказией, хочу сказать, что мне безумно симпатичен ваш главный редактор Проханов. Я, например, с упоением читал его книгу "Господин Геккоген". Очень точно по образу схвачена Нарусова — я умираю от смеха, мы хохотали вместе с Нарусовой. Это самая любимая моя книга. Я думаю, не зря Проханова называют "русским Киплингом". Меня поражает информированность вашего главного редактора — например, в романе очень точно воспроизведены все клички. Проханов грандиозно входит в роль, особенно мне нравится, как он описывает все яства, пиры — так зримо, ярко. Я думаю, что у нас никто больше так не владеет писательским гротеском.

КОРР. То есть именно гротеск вы воспринимаете как наиболее адекватную форму протеста?

С. С. Безусловно — только так можно описать нашу сегодняшнюю жизнь. Когда ее ругаешь серьезно — получается нечто наподобие тьянжаны шавки, а когда все с юмором подается, это наиболее воспринимается.

Я думаю, что Проханов — не бедный человек, но он не скрутился. Когда власть вызывает в Кремль, все ломают, может, даже и сломался бы я, так как не смог бы платить неблагодарностью человеку, который тебя принял, дал тебе чаю и конфет, возможно, даже коньяку с тобой выпил. Но Проханов не сломался, он очень последователен, и у меня вызывает только бесконечное уважение.

КОРР. А с той средой, в которой обитают Проханов и вся газета "Завтра", вы никак не соприкасались? Известно, что в свое время вы работали в издании "Супермен", редакция которого была расположена на одном этаже с редакцией газеты "День". Каковы ваши воспоминания и впечатления?

С. С. Только хорошие. Я очень люблю оппозицию, я сам оппозиционер. Еще Чехов говорил, что интеллигент должен находиться в оппозиции. Оппозиционеры всегда вызывали у меня только бесконечное уважение. Я же — человек не интеллигентный, поскольку я эмоциональный, а интеллигентный человек никогда своих эмоций не показывает. Их нельзя выражать в той форме, в какой я их высказываю. Интеллигент не должен прикидывать ни к каким партиям — ни к "красно-коричневым", ни к власти. Он сам по себе. В связи с этим для меня Драпеко — комичная фигура. Нельзя быть таким уж оготелым, надо и в чем-то сомневаться. Ей Собчак в свое время говорил: "Лена, куда вы лезете, вы должны играть". Она ему отвечала: "Нет, я хочу руководить". Мне эта оготелость неприятна.

КОРР. Вы полагаете, что художник следует целиком и полностью посвятить себя творчеству и абстрагироваться от политики?

С. С. Да, но должен выражать свое мнение относительно этих вопросов. Я часто повторяю, что я люблю быть дураком, но не люблю, когда из меня дурака делают. Ужасно, когда всех считают за червей, за ничтожество, возникает адекватная реакция — защищаться. Я хочу защищаться, я не желаю, чтобы они меня обманывали.

КОРР. В то же время история искусства знает немало примеров, когда оно было тесно связано с политикой, выступало как оружие в политической борьбе. Вот вы говорили о романе Проханова, который является и писателем, и политиком, как о своем любимом произведении. Вам не кажется, что вы несколько ограничиваете искусство в его правах?

С. С. Наверное. Видимо, я очень много навредил себе своими высказываниями, очень сильно ущемил себя в работе.

С ПИСАНИНОЙ ПОКОНЧЕНО...

КОРР. Расскажите о себе как о публицисте. Что привлекло вас в журналистике, почему вы ушли в эту область?

С. С. Я опять смею нагло заявлять, что я — человек талантливый. Было такое безвременье, и я отказался от многих работ, а мне нравится активная жизненная позиция. Я попробовал себя в этом, и все — я никогда больше публицистикой не буду заниматься. С этим покончено. Вышла моя книжка "Дебил-шоу", ее издавали за границей — в Киеве, Минске, Литве, поскольку в России ее запретили. Книжка была составлена в 2000 году, но ничего не изменилось, я под каждым словом могу подписаться. Однако с публицистикой я "завязал" окончательно. Видите ли, журналистам платят копейки, а за копейки очень сложно работать.

Вы знаете, деньги какую-то фантастическую власть над людьми имеют. Я, к слову, пытался заработать бизнесом — у меня не получилось. Один бизнесмен из Израиля, Борис Шамбан, решил создать "Гипермаркет-кошелек" — магазин, специализирующийся на заказе товаров по Интернету. Наша страна построена на взятках, и не надо это осуждать, потому что люди получают мизерную зарплату, и государство само вынуждает их воровать. Зачем ему тратиться на взятки, на рекламу, — он взял меня. Чтобы открыть среднее предприятие, нужно платить санэпидемстанции, пожарникам, властям, налоговой инспекции. И он везде таскал меня. С меня, поскольку я много публично выступал, никто ничего не брал — все боялись, что расскажу об этом. Борис Моисеевич вообще ничего не хотел давать. Я говорю: "Борис Моисеевич, у нас в России за все надо благодарить — ну хотя бы бутылочку коньяка приносить". Вот я приносил, и люди абсолютно бесплатно все делали. За один день я собрал все подписи, которые можно было собирать полгода; магазин стал успешно работать и приносить прибыль. И он подумал: "Ну, теперь Садальский свое дело сделал". До этого он мне платил зарплату две тысячи долларов, а в позапрошлом году тридцать первого декабря сказал мне: "Ты мне уже не нужен, ты свое дело сделал", — и уволил меня. Но через четыре месяца на него пошла инспекция, и магазин прикрыли. Так что из меня бизнесмен плохой.

КОРР. Когда вы еще были вовлечены в журналистику, какие темы и проблемы вас привлекали?

С. С. Никакие проблемы не привлекали. Есть законы жанра газеты — "кто, каким способом, как". Все равно, мне кажется, ничего популярнее политики и секса нет, а если секс совместим с политикой — это вообще идеальная тема для журналиста.

Журналистика продажна — я в этом убедился. Она обслуживает ту или другую сторону. Честных журналистов можно пересчитать по пальцам: Леся Шахов из газеты "Жизнь", Проханов, Кислинская, Саша Хинштейн. Остальные — все продажные. Я знаю, как живут главные редакторы некоторых изданий, какие у них имена. Все издания поделены, куплены, и ваша газета тоже кому-то принадлежит — другое дело, что мне неинтересно узнавать об этом. То, что "Завтра" находится в оппозиции, — самое лучшее, самое главное. Правда, мне подочка материала в вашей газете не нравится — она очень скучна. Хотелось бы, чтобы она была более наблюдательной, чтобы простые люди могли ее читать. Ваша газета — для очень узкого круга, она слишком интеллектуальная.

КОРР. Тем не менее, при всей интеллектуальности, подача материала в газете "Завтра" живая, зачастую художественная. Вспомните хотя бы передовицы Проханова и многие другие публикации.

С. С. Каждое слово, которое я читаю у Проханова, я понимаю. Еще мне очень нравится ваша "Агентурная служба безопасности" — она классная. Но у вас в газете шрифт слишком мелкий, качество бумаги ужасное — хотелось бы, чтобы бумага была получше.

КОРР. "Завтра" — это все-таки оппозиционная газета. Возможно, эстетика глянцевого журнала с ней как-то не вяжется.

С. С. Согласен. Вы же — не "СПИД — инфо".

КОРР. А какой стиль в журналистике лично вам импонирует?

С. С. Агрессивная журналистика. Для меня идеален телеграфный стиль — такой, как в вашей "Агентурной службе безопасности".

КОРР. Вы много писали о жизни поп-звезд. С чем был связан особый интерес к данной теме?

С. С. Бульварная журналистика — это безумно интересно. Неинтересно писать про Тютюкина и Пулькина, хотя и про них у меня тоже есть. Есть законы жанра "желтой" прессы, и мне было интересно, что такое "попса". Теперь они для меня — обмытые камни. Я понимаю, что они из себя ничего не представляют — мыльные пузыри. Какая страна — такие и герои. Они получают то, что заслуживают.

Вы знаете, я не ханжа, но считаю, что артисту нельзя в пьяном состоянии выходить на сцену. Я могу даже мат простить, мат — это своеобразное энергетическое поле, и есть люди, которые матерятся прелестно, а есть такие, которые этим вызывают отвращение. Я сам очень люблю ругаться матом. Но когда певец выходит на сцену пьяный, результаты не должны засчитываться, как в спорте.

КОРР. Вы много цитируете русских классиков, что вам нравится в русской литературе? Не привлекало ли вас когда-либо литературное творчество?

С. С. Нет, никогда. Вообще с писаниной я покончил. Что касается русской классики, то моя настольная книга, в которой можно найти ответы на все вопросы, — "Евгений Онегин". Для меня фантастический автор — Тургенев, и меня согревает мысль о том, что я буду похорошен с ним на одном кладбище. Я читаю мемуары, мне безумно понравились блистательные мемуары Свиридова. Гениален Салтыков-Щедрин, все, что он пишет, абсолютно современно. Вообще это печально и даже уже весело, что мы живем в такой стране, где правительство держит нас за червей.

КОРР. Какой выход вы видите из сложившегося положения?

С. С. Панацея лишь одна — Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья, то есть Мудрость. Я всегда завидую тем людям, которые верят, хотя сам ношу три креста. Я живу напротив храма, и когда люди входят туда белыми, выходят заплаканными, красными, это радует. Я считаю, что ничего этого нет, это придумали очень умные люди, чтобы мы не превратились в скотов. Но есть непреодолимые ценности, которым веками учили. Необходимо соблюдать все предписания, все посты — все это полезно для здоровья, сделано человеку во благо. Люди, которые не следуют религиозным заветам, заболевают.

Мне кажется, что ничего потом не бывает, все бывает здесь и сейчас. Но существуют вещи, которые необъяснимы — например, как зажигаются свечи на Пасху. Входят три священника — мулла, раввин и православный священник, из Гроба Господня начинают бегать шаровые молнии, и они ваткой зажигают огонь. Нет объяснения этим вещам — значит, что-то действительно так есть.